

СИЛА КОЛЬЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР БОСИН

Владимир Георгиевич Босин

Сила кольца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68899164

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга является продолжением романа "Трое из кольца", где главный герой попадает в средневековую Андалусию.

Владимир Босин

Сила кольца

По небу лениво проплывали жиденские облака, глаз отметил планирующее движение крупной птицы. Это было уже моё второе пробуждение. Первое было пренеприятным, я очнулся от дикой жажды, во рту как наждаком посыпано. Яркое солнце вызвало сильнейшую головную боль и я отрубился. А сейчас солнце явно перевалило за полдень и я оказался в тени здорового булыжника. Стараясь не двигаться резко выпрямился и мне удалось опереться спиной о горячий камень. Фух, вроде стало полегче, только жажды невыносима. Я облизываю губы пересохшим языком, это не помогает. Хуже всего, что в голове полная каша. Лихорадочно пытаюсь понять, где же я очутился. Местность смутно знакомая, я с трудом вспомнил своё имя. В течение получаса удалось привести мозги в порядок. Да, я хотя бы вспомнил свою не такую и короткую жизнь.

Итак, я Александр Владимирович Портнов, шестидесяти четырёх лет от роду. Родился я в СССР и до возраста Христа прожил в одной из республик огромной страны. С падением некогда великой страны меня с семьёй занесло на землю обетованную. Внезапно выяснилось, что моя горячо любимая супруга по матери является еврейкой, согласно Галахе

она также еврейка, как и наши дети. Это обстоятельство позволило нам вместе с родителями жены иммигрировать в Израиль. Прожив в прекрасном городе Ашдоде более тридцати лет я, совершенно случайно стал обладателем некоего артефакта. Абсолютно невзрачное колечко, купленное в арабской лавчонке Иерусалима оказалось неким пультом управления порталом, перемещающим не только в пространстве, но и во времени. Методом проб и ошибок я научился им управлять. Так мне удалось подселиться в чужие тела. Одно в конце девятнадцатого века, другое в сумасшедшие девяностые года двадцатого. Затем меня закинуло вообще в другой мир, где в теле подростка я прожил несколько лет. Это был особый опыт жизни в варварском раннем средневековье. Я уже и не надеялся вернуться к семье, когда колечко ожило и я вернулся. Но по происшествии некоторого времени понял, что не смогу остановиться. Кольцо предлагало ещё одну опцию, при чём по моим наблюдениям это должен был быть перенос намного дальше, чем получалось ранее. Я гнал от себя мысль об этом несомненно рискованном путешествии. Ведь я мог оказаться в очень далёком времени, например встретиться с динозаврами. Или вообще меня может зафигачить в иной мир, не совсем дружелюбный к человеку. Но я уже подсел на это дело как наркоша и не смог удержаться. Мысленно попрощавшись с семьёй, активировал перенос.

Теперь в голове прояснилось и я пытаюсь сориентироваться. По местности, похоже это Израиль. Только не окраины

Ашдода, а больше похоже на север страны или окрестности Иерусалима.

Судя по тому, что за этот час, что я прохлаждаюсь здесь, в небе не заметил ни одного самолёта – это с большой долей вероятности не моё время. Больше я сказать о местности не могу.

Я лежу между двумя большими каменюками и они прикрывают от опасности, потому что метрах в трёхстах заметна грунтовая дорога.

Самочувствие хреновое, у меня разбита голова. Я ощущал гладко выбритый череп и зашипел от того, что потревожил свежую корочку затянувшейся раны на голове. Про себя могу сказать одно, что я мужского полу – спасибо тебе господи. Скорей всего мне меньше тридцатника. Одет в просторные штаны с мягкими сапожками, вернее левый я где-то проторговал, остался правый. Сверху белая рубаха, залитая кровью. Красный плащ сбился в комок и больно упирается в бок. Также мешается железяка, какой-то длинный холодняк. Пока приходил в себя, не замечал его. А вот сейчас он врезается в мягкую точку. С трудом я вытащил его из-под задницы. Да, наверное это сабля. По крайней мере данное орудие убийства непонятливого собеседника изогнуто имеет в толщину не более сантиметра, длиной ближе к метру и шириной у рукояти чуть больше тридцати мм. Вроде сталь, значить это как минимум средневековье.

Чёрт, как же хочется пить. И ещё эти прилипчивые мухи,

приходится отгонять. С левой рукой проблема, похоже перелом. Опухла в районе лучевой кости, при прощупывании боль усиливается, в любом случае решил не шевелить ею. На поясе справа болтается нож в ножнах. С помощью него отрезал два куска от своей рубахи. С трудом повязал один на голову, по крайней мере, теперь можно не обращать внимания на назойливых мух. Другим куском стянул руку, помогая себе зубами. Полежав немного решил, что нужно вставать. С третьей попытки получилось, только в голове гулким набатом бьёт кровь. Выждав минуту я двинулся к дороге. Чёрт, разбил большой палец босой ноги о камень. Теперь иду медленно, выбирая ровный путь. А это что за куча, метрах в ста от места лежит лошадь. Что-то меня грызут сомнения, не моя ли. А вот и мой второй сапог, рядом с лошадкой. Совсем другое дело, теперь можно идти и не высматривать подходящую дорогу. Ёшкин кот, под лошадью видна сумка, только она частично придавлена задней конечностью четвероного животного. Мне пришлось найти подходящий дыр, чтобы с его помощью освободить сумку. Немаленьких размеров баул завязан тесьмой. Я высыпал содержимое на землю. Есть бог на свете, среди массы ненужных сейчас вещей я нашёл сосуд, обтянутый кожей. Около двух литров воды в нём было. Вода тёплая, но литр я выдул залпом и мне показалась жидкость необычайно вкусной. Выждав немного я выпил ещё немного. Остаток убрал обратно в сумку, неясно, когда я смогу пополнить флягу. Хорошо, что солнце пошло на спад, но ещё при-

пекает, поэтому я решил искать тень. Сделав несколько шагов к дороге заметил пыльный столб. Я так и стоял несколько минут, вглядываясь в приближающихся всадников, пока в мою бестолковку не пришла очевидная мысль, что это не обязательно должны быть мои друзья. Вполне вероятно, что я не сам свалился с лошади. Но уже поздно, всадники с улюлюканием свернули направляются ко мне. Я только беспомощно цапнул саблю, которой не умею пользоваться. Да и всадников оказалось десятка полтора, не отмахаться. Поэтому просто сел на камень, ноги уже не держали.

Через минуту вся кавалькада подлетела ко мне, подняв облачко пыли. Первым ко мне подбежал немолодой мужчина, он лихо спрыгнул с коня и требовательно что-то спросил. А я знаю, что он хочет? Язык незнакомый, вернее как раз узнаваемый – арабский, но я не владею им на достаточном уровне. Поэтому только достал флягу и отхлебнул ещё воды. А потом меня сморило, может солнечный удар или последствия полученного ранения, но свет померк и я отрубился. Через какое-то время почувствовал, что меня везут в каком-то гамаке, и я уснул.

На этот раз я просто проснулся. Лежу на лежаке, укрытый покрывалом. Немаленькая комната, белые стены и потолок, пол покрыт деревом. Окно распахнуто и оттуда тянет свежестью. Явно сейчас раннее утро. Самочувствие так себе, на голове повязка. Левая рука в своеобразной шине. Две тоненькие дощечки и тугая повязка фиксируют перелом. Окинув

покрывало убедился, что весь правый бок и бедро стесало при падении. Смотрится страшновато, но я знаю что заживёт довольно быстро. Сейчас эта часть тела покрыто тряпицей с какой-то приятно пахнувшей мазью.

Попытка встать была прервана появлением молодой женщины, она явно не рассчитывала, что я уже проснулся. Оставив кувшин, который она несла, женщина стремительно убежала. Через несколько минут она вернулась, сопровождая женщину постарше. Это явно или хозяйка дома или приближённая к ней. Женщина запричитала и уложила меня назад в постель. При этом она прижалась ко мне, поглаживая меня по груди и что-то быстро тараторила. Мне даже удалось её немного понять, она говорила на иврите, но со странным произношением. За свою жизнь в Израиле я научился нескольким десяткам арабских слов, а ивритом владею вполне пристойно. По-крайней мере разговорным. Сефарды, ашкеназы, эфиопы и арабы по-разному говорят. Ашкеназы разговаривают на более высоком и правильном языке, я привык к их прононсу. У сефардов больше каши во рту, эту мову называют рыночным ивритом. Эфиопы чирикают по птичьи, а арабы говорят более протяжно с частыми гортанными асинхронными звуками. Так вот, эта женщина явно говорит на сефардском наречии, но много незнакомых слов. Смысл я понял, но пока отмораживаюсь. Может быть это моя мать или близкая родственница. Как я ей объясню, что ни хрена не знаю. Остаётся косить на потерю памяти.

Женщина, убедившись, что я не реагирую на её бурную речь, а может просто уже выговорилась и просто села на подставленный служанкой стульчик. Она помогла мне напиться, ладошкой вытерла пролитую жидкость с подбородка и помогла удобней устроиться на подушке. Меня опять потянуло в сон, а может в жидкость было что-то добавлено, но я уснул, чувствуя как женщина взяла мою кисть в свою и поцеловала в ладошку.

Наверно всё-таки мать, чужая женщина не стала бы этого делать.

Проснулся я от того, что меня разбудили. В комнате трое, моя условная матушка, служанка и средних лет мужчина. Он одет в белоснежную накидку без рукавов, напоминающую традиционную одежду арабских шейхов. Из рукавов торчали широкие рукава синей рубахи, на голове арабский тюрбан. Ко мне он обратился на арабском, я его естественно не понял, после нескольких попыток он перестал ко мне обращаться и начал проверять повязки. Так, это стопудово врач.

Он с помощью служанки размотал повязку на голове, при этом ухитрившись сделать это совсем безболезненно. Нанеся на голову мазь, он опять забинтовал её.

Остальные мои раны он только мелком проверил. Далее говорил сей муж только с хозяйкой. Через двадцать минут он ушёл, оставив запахи лекарств.

Я почувствовал облегчение от его ухода. Не знаю пока, как на всё реагировать. Зато «матушка» развила бурную дея-

тельность. Две молоденькие девушки внесли маленький столик, который стали загружать тарелочками и мисочками. Мои попытки встать, чтобы поесть были решительным образом пресечены. Меня эти две молодки силой усадили обратно. А потом начали кормить с ложечки. Сначала был жиденький супчик, бульон с кусочками мелкопорезанных овощей. Затем меня начали кормить обычным разваренным рисом с кусочками мяса. С голодухи показалось необычайно вкусно. На десерт напоили чем-то божественным, может щербетом. Кисло – сладкий вкус перетёртых ягод хорошо утолил жажду. Потом девушки всё утащили, оставив только кувшин с водой.

Жизнь налаживается, меня отлично приняли в доме, опасности для себя пока не наблюдаю. Но вот для полного счастья мне бы ещё отлить, мучаюсь уже пару часов. При попытке встать сразу отворилась дверь и зашла служанка, та что утром подняла панику. Она что-то сказала и я уловил слово шерутим, то есть туалет. Я активно закивал, даже кровь прилила к голове и отдалась головной болью. Меня опять уложили в постель и мне между ног настойчиво сунули кувшин с широким горлышком. Блин, я так не могу. Но, по видимому другого выхода нет, ну не прудить же в кровать. Поэтому расслабился и получилось облегчиться.

Фух, что-то день бурно начался. Наконец-то меня оставили в покое и я принялся перебирать доступную информацию:

Значить так, место – наверняка средиземноморье, судя по климату и растительности, но скорее всего Израиль. Ну а откуда ещё евреи и арабы.

Время – вот это вопрос вопросов. Ранее средневековье, а может и позже, исходя из стального оружия. Не хватает пока информации.

Теперь моя тушка, мало информации – мужчина до тридцати, но не меньше восемнадцати. Развитая фигура, широкие запястья могут говорить о регулярных занятиях с саблей. Грудь, руки и плечи человека не пренебрегающего физическими упражнениями. Ноги тоже отнюдь не цыплячьи. По мне пока всё.

Статус мой скорее всего средний, типа мелкого дворянина, судя по оружию, которым владела в средние века только знать или солдаты. На последнего я не похож. На важного аристократа тоже.

Отношение ко мне здесь неплохое, поэтому лежим и впитываем информацию. Косим на потерю памяти и пытаемся приспособиться к ситуации.

Время к обеду, меня ещё раз накормили и оставили в покое. Я только прикемарил, как почувствовал сквознячок. Сквозь прищуренные ресницы смотрю как в дверь, по-партизански прокрадывается молодая девушка. Я делаю вид, что сплю, а сам наблюдаю. Иди знай, может меня кончать пришла ревнивая особа.

Но девушка придвинула стульчик и устроившись, долго

рассматривала меня. Убедившись, что я глубоко сплю, она начала гладить меня по здоровой руке. Потом она просто взяла мою руку в свою и надолго замерла. Я в самом деле уснул, разбудил шум. В комнату вошёл полноватый и грузный мужчина. Типичный представитель еврейского народа. Одет в тунику, на голове ермолка, это такая глубокая кипа, украшенная орнаментом и буквами иврита. За ним робко вошла хозяйка, – Дара, ма ат оса кан? (Дара, что ты здесь делаешь?)

Девушка порскнула из комнаты как испуганная мышка, пригнув голову.

Мужчина подошёл ко мне и положил руку на плечо, – Йо-сеф, как ты нас напугал. Мы уже и не знали что и думать.

Его речь мне понятна на восемьдесят процентов, мужчина говорит неторопливо, с расстановками и я почти всё понимаю, но при этом не реагирую. Нужно отыграть свою игру, я только смотрю на собеседника.

Не дождавшись реакции от меня мужчина встал и прочитал браху (молитву) о моём здравии. Надо же, текст почти не изменился, я знаком с наиболее распространёнными. Большинство начинается одинаково с восхваления бога, а затем уже идут детали.

По охав все вышли и я остался один.

Следующее утро я встретил на ногах. Проснулся рано, ещё только небо начало алеть, значить около пяти. Пока сиделки дрыхнут, я кряхтя встал и подошёл к окну. Какой кра-

сивый вид, я нахожусь на втором этаже здания, перед домом раскинулась большая долина, уходящая садом вдаль. Отсюда видны возделанные поля, по краям долины высокие холмы, поросшие лесом. Дом окружен садом, кроме фруктовых деревьев много олив. Прямо вокруг дома разбит цветник и синее небо отражается в маленьком пруду. Воздух по-утреннему свеж, но чувствуется, что днём будет жарко. Красота, мне так захотелось спуститься и прогуляться по парку, но не думаю, что это возможно сейчас. Только я начал искать посудину облегчиться, как дверь отворилась и в комнату вошла вчерашняя служанка.

Блин, я же голый, как положили в кровать, так и поднялся, только повязка была на причинном месте. Она за ночь сползла, я так и встал голышом. А что их стучаться не учили что ли? Женщина, пискнув выскочила, а я воспользовался моментом и отлил в сосуд. Надеюсь ничего не перепутал, вдруг там благовония хранились.

Через десять минут в комнату ворвалась делегация с матушкой во главе. Две служанки принесли тазик с жидкостью и меня начали обмывать, нежные девчоночьи лапки старательно обходили больные места. Кайф, именно этого мне не хватало. Я чувствовал на теле пот и пыль. Меня переодели в подштанники и рубаху с тонкого материала и подали халат. Потом в комнату принесли вчерашний столик и я с предвкушением начал следить, как служанки расставляют снесь. Обалденно пахла лепёшка, которую я разломал и начал ма-

кать в плоску со сметаной. Жирная и вкусная, люблю такую. Оливковое масло с зернышками затара, кусочки сыра. Типичный еврейский завтрак, только молочка. Запивал всё это как раз молоком. Голод утолён и я жестом попросил убрать. Моя матушка попыталась со мной поговорить, не дождав-шись ответов на вопросы ушла. А через полчаса в дверь про-скользнула Дара. Девушке лет пятнадцать, типично семит-ского телосложения. Я бы её красавицей не назвал, коротко-ногая, пока по девичьи стройная, но после родов в нижней части разнесёт. Шикарная вьющаяся шевелюра, кожа смуг-лая, большие карие глаза с поволокой смотрят на меня со странным выражением.

– Йоси, почему ты всё время молчишь? Поговори со мной пожалуйста, не пугай нас.

Чёрт его знает, на эту девочку мой организм почему-то реагирует, как на очень близкого человека. Я вслушиваюсь в её слова и мне хочется её успокоить. Я явно не чужой для неё.

Блин, я же не знаю ситуации, а вдруг наврежу. С другой стороны, если я не получу полную информацию о происхо-ждащем, то буду долго изображать немого.

После минутной задержки я решился. Откашлявшись я заговорил:

– Дара, ты может хранить секрет. От этого зависит моя жизнь.

Вы бы видели, как раскрылись и без того немаленькие гла-

за девочки. После секундного замешательства она активно закивала головой.

– Ну так слушай. Я не знаю, что со мной произошло. Наверное от удара головой о камень я потерял память. Я не помню ничего, что было со мной до вчерашнего дня. Вообще. От тебя сейчас узнал, что меня зовут Йоси, а тебя Дара. Я не знаю, кто все эти люди, кто приходит ко мне. Я с трудом говорю и плохо понимаю, что мне говорят. Я не знаю, что за этой дверью.

Дальнейшую мою речь прервали рыдания девочки. Вот же идиот, развёл тут пантомиму, помню – не помню. Ведь видел же, как её глаза налились слезами. Надо было остановиться, а я увлёкся своим монологом. Так, надо исправлять ситуацию.

Я приобнял девушку и успокаивающе погладил по волосам.

– Тихо пожалуйста. Дара, мне нужна твоя помощь. Ты мне поможешь?

Вот, процесс пошёл, девочка начала успокаиваться, – конечно, а что надо делать?

– Ну, прежде всего успокоиться и не плакать. Никто не должен о том, что я тебе сказал.

– Даже мама?

– Никто, потом может быть и расскажем. Но мне нужна твоя помощь, ты расскажешь мне всё, что знаешь сама. Про меня, про дом и про себя конечно. Можешь даже немножко соврать мне про себя, я не обижусь.

Глаза девочки опять наполнились слезами, но последняя фраза заставила её улыбнуться, – значить я не буду тебе рассказывать, как специально испачкала тебе одежду, чтобы ты не уезжал на свою службу.

– Договорились, этого не было. Дара, но никому. Хорошо?

Мы обнялись и вовремя отпрянули друг от друга, когда в комнату вошла служанка.

Вот так и палятся, я же не знаю, кто она мне. Сестра, подруга или ещё кто.

После прихода врача, который поменял повязки на голове и на теле, Дара попросила разрешения сидеть со мной. Её мама только сказала, чтобы та мне не мешала, если я устану. Жалко, что врач говорил с хозяйкой по-арабски.

Зато когда все ушли, Дара мне перевела, что врач не знает, что со мной. Сказал, что нужно молиться и не помешает сводить меня в мечеть. Стоп, почему мечеть, а не синагога.

Так подруга, сейчас начнём выжимать с тебя информацию. Начнём с персоналий. Дара пробыла у меня часов шесть, выходила только когда меня кормили. Днём я поспал часик, а потом продолжил истязать девочку.

К вечеру у меня появилась минимальная информация.

Начну с главного, меня зовут Йосеф, но это только в этом доме меня так называют, а вообще я Юсуф ибн-Мунзир аль Асад, арабского происхождения, девятнадцати лет отроду. В этот дом я попал когда мне исполнилось тринадцать. Дара или Смадар, это её полное имя, единственная дочь Менахема

бен Барух и Ривки. Я так понял, что мой отец был ближайшим компаньоном Менахема и когда с ним произошло что-то нехорошее, последний усыновил меня. Своих сыновей у четы бен Барух не было, вот они и решились. Я до последнего времени служил десятником в некоем воинском подразделении, против чего всегда возражали мои приёмные родители и их дочь. Получается мы с девочкой приёмные брат и сестра. Долгое время мы не могли определиться с местом. Дара не понимала, что я хочу понять, в какой стране мы находимся. Потребовалось время на это. К моему удивлению это не Восток, а Европа.

Девочка называла мне города, названия которых мне ничего не говорили, но когда она произнесла – аль Андалус, мне стало всё понятно:

– Сфарад (Испания)? Андалусия?

– Кэн, кэн (да, да).

Теперь картинка сложилась в голове. Видимо я нахожусь в Испании до реконкисты, когда ею правили мавры. Отсюда и арабский язык. Прикольно, действительно природа южной Испании типично средиземноморская, похожа на нашу. Редкие перелески, холмистые равнины, покрытые невысокими деревьями и обширные пространства пригодные для пастбищ.

Это действительно стало прорывом, я получил точку опоры. Ещё бы узнать какой сейчас год. Но с этим сложнее. Дара сразу ответила, что сейчас 4668 год. Ну, да, евреи лето-

исчисление ведут от сотворения Богом мира. В моём 21-м веке был 5600 – 5700 год, где-то посередине, не помню точнее. Значит сейчас где-то тысячный год по-нашему. Дара посчитав, обрадовала меня что по арабскому летоисчислению сейчас 276 год. Путем пыток и издевательств над нею я выяснил, что арабы ведут отсчёт от года Хиджры, то есть даты, когда пророк Мухаммед и первые мусульмане переселились из Мекки в Медину. Информация безусловно ценная, но для меня бесполезная. Мне нужно будет поинтересоваться у христиан, те отталкиваются от рождества Христова.

Сегодня вечером мне разрешили спуститься вниз на ужин. Вездесущая Смадар, в тайне от других показала мне дом. Двухэтажное строение было разделено на две части. Правая от входа являлась хозяйской, там проживала семья. На втором этаже было три спальни, моя, где я и находился сейчас, Смадар и одна пустующая. Внизу была спальня хозяев дома, большая гостиная и пара комнатушек. Во второй половине дома проживала прислуга и была немалых размеров кухня, куда я тоже ткнул свой нос. Интересно же, как тут всё устроено. Пока накрывали на стол, мы с девочкой прогулялись вокруг дома. Дара поддерживала меня за локоть, хотя мне этого не требовалось. Но ей так хотелось поучаствовать в этом значительном событии – выгул раненного братца, что я не стал её огорчать.

Очень мило, вокруг дома цвет различные цветы, даже сейчас мужчина турией (тяпка) обрабатывает землю. За столом

хозяин дома привычно прочитал браху перед едой и мы приступили к еде.

Вообще я умею вести себя за столом. Нет, не в смысле, что научился держать вилку в левой руке, а нож в правой.

Я частенько бывал в арабских домах и имею представления о том, что следует и что категорически нельзя. Еврейские традиции тем более для меня не являются тайной. И хотя я не являюсь евреем, ничто не помешало мне вставлять «Амен» в нужных местах.

Стол богатый, несколько видов мяса. Баранина и говядина, есть также и запечённая курица. Салаты и конечно различные помазухи, которые так любят жители Востока.

Я пригубил вино из кубка, особо не налегал, вдруг разведёт с непривычки, наплету тут всякого.

Я продолжал изображать немоего, но не смог делать вид, что не понимаю иврита. Когда Ривка протягивала мне очередное кушание и спрашивала, я отвечал наклоном головы. К концу вечера сидящие за столом расслабились, Менахем (жена называла его Мени) рассказывал домочадцам о своих проблемах. Отара овец потравила урожай зерна на одном из участков из-за нерадивого пастуха. Я так понял, что глава семьи занимается сельским хозяйством. В пользу этого говорил вид из окна на долину. Я обратил внимание на участки с зерновыми культурами, другие засажены зеленью, издали не понятно чем именно. А ещё у Менахема имеются овечьи стада, о них он и рассказывал нам за столом.

К концу вечера народ за столом определился с отношением ко мне. Они неназойливо спрашивали у меня о чём-то. Если я сразу не реагировал, тут же переходили на другую тему. И спасибо им огромное за деликатность. Я увидел как Ривка бросила на мужа обеспокоенный взгляд, когда я промолчал на очередной вопрос. Мне кажется, что они волнуются за меня.

Утром, после завтрака в гостинной, я попросил Дару показать мне округу. С нами шёл молодой парнишка жгучей цыганской внешности с белым большим зонтом. Он прикрывал нас от солнца, я не решался при нём говорить, – Йоси, можешь спокойно говорить, Абу не понимает иврита и вообще он неразговорчив.

За это утро я узнал массу интересного. Оказывается мы проживаем в Кордовском халифате под правлением мудрого халифа Абдурахмана III, правильнее назвать его Абд ар-Рахман III. Правителю 48 лет, да буду благословлены года его мудрой жизни.

Столица соответственно в Кордове. Но есть ещё несколько крупных городов. Это в первую очередь главный торговый город Севилья, морские ворота – Альмерия. Толедо известен своими производствами металла. Гранада, Валенсия и Мурсия славятся своими производствами шерсти и ткани, а также кожи и посуды.

Насколько я понял, мы живём неподалёку от Севильи, в часе езды. А вот до Кордовы за день не добраться, даже на

резвой лошади понадобится два дня.

Вот, постепенно вакуум в голове начинает заполняться полезной информацией. Что интересно, когда Дара попросила Абу принести нам попить, я понял её арабский. Я знаю несколько десятков слов на арабском языке, но понять её быструю речь я даже теоретически не мог, а ведь понял.

Интересно, я попросил сестру разговорить пацана. Тот отвечал неохотно, просто не привык много говорить, но сестрица сумела его разболтать. Вот это подарок, я всё понимаю. Видимо сработал эффект тела реципиента. Я, к сожалению, не получил доступ к его памяти и знаниям. Но постепенно умения Юсуфа передаются мне. Интересно, а я смогу фехтовать своей саблей и лихо ездить на лошади. Наша прогулка закончилась, когда я почувствовал, что устал. Голова уже не болит, рука в повязке, а вот ободранный бок и бедро стянуло корочкой и доставляет мне неудобство. Я периодически морщусь вызывая беспокойство сестрицы.

Через неделю, посетивший меня уважаемый мэтр Абу Али Хусейн ибн Абдаллах, лечивший меня, снял тугую повязку с руки. Это вызвало огромное облегчение, в последнее время она дико чесалась. Повязку с головы и тела он тоже аккуратно снял. Вообще этот товарищ приятно удивил меня, я опасался отдирания присохших повязок и ощупывания раны грязными руками. Нет, он мыл руки в тазике, принесённом служанкой. Впечатление от визита только положительные. По поводу провалов с памятью он объяснил, что такое

бывает и надо набраться терпения. Один Аллах знает, когда она вернётся.

За эту неделю я обрёл речь, теперь вовсю разговариваю с домочадцами. И не только на иврите, даже дома мои частенько переходили на арабский. Например мой отчим кроме этих двух языков знал ещё мосарабский, на котором говорили местные христиане – смесь арабского и кастильского. Дара говорила, что отец также свободно изъясняется на греческом, латыни и франкском. Мои успехи скромнее, кроме иврита, арабского и мосарабского мне знакомо звучание греческого, немного латынь. Я видимо говорил на нём, но нужна практика. А пока я наслаждался стремительно идущим на поправку организмом.

Улучшив момент я оттащил Дару в сторонку, – красавица, помоги брату. У тебя есть зеркало?

– А зачем тебе?

– Ну я же даже не знаю, как выгляжу. Может я страшилище какое.

Сестрица замялась, но согласно кивнула. Как потом выяснилось, большое зеркало имелось только у мамы, дорогое удовольствие. Девочка, после обеда притащила мне тяжеленный предмет, закутанный в платок.

В своей комнате я водрузил его на столик. Это оказалось овальное зеркало из полированной бронзы размерами где-то 120x200мм.

Рассмотреть себя в него было затруднительно. Пришлось

изучать частями. Ну что можно сказать. Лицо немного нетипичное для араба и кожа отнюдь не смуглая. Карие, большие и выразительные, блестящие глаза, правильные черты лица, скорее европейские, может маменька из местных была. Я же ничего о родителях не знаю. Немного выдаются скулы, но общее впечатление приятное. Зубы ровные и белые, нос прямой, чёрные брови хорошо очерчены. Красавчик, вот только впечатление портит бритый и покоцанный череп. Дара сказала, что мой слуга всегда брил меня под нолик. Нефиг, буду отпускать волосы. А вот бородка, обрамлявшая лицо мне по моему идёт. Нужно только подравнять немного, отпускать как у Менахема до пуза я не хочу. Так, что ещё, уши небольшие и плотно прилегают, слегка изогнуты вперёд, тело развито. Любо дорого посмотреть, росточек средний. Ноги слегка кривоваты, может от увлечения ездой на лошади. Верхняя часть тела заметно развита упражнениями, даже кубики на животе имеются. Достойное тело мне попало, я мысленно поблагодарил всевышнего за подарок.

Товарищ между ног вполне пристойный, не стыдно показать.

Так, Дара скребётся за дверь, я быстро оделся и вернул девочке зеркало. Вечерами меня частенько приглашал в сад Менахем, служанки накрывали нам столик на улице, под деревом с роскошной кроной, защищающей от палящих лучей солнца. Неподалёку протекает ручеек, приносящий приятную свежесть. Дневная жара начинает отпускать, но ещё

душновато. Нам подали сладости и прохладительные напитки.

– Йоси, мальчик мой. Ты собираешься продолжать свою воинскую карьеры на службе севильского эмира?

Я в первый раз слышу о месте моей службы, поэтому предпочитаю неопределённо пожать плечами.

– Конечно кади Али Абу-л аль Касим хорошо относится к тебе, но, мальчик мой, зачем тебе карьера военного? У тебя нет сильного покровителя во дворце эмира.

Мне стоило немалых усилий направить разговор в нужное русло. Мой приёмный отец является кладезем так необходимой мне информации. Прежде всего это касается моей семьи, я жадно слушал собеседника. Он правда больше напирал на совместный бизнес с моим отцом, но тем не менее раскрыл много интересного.

Мой отец, Абу Юсуф Мунзир ибн Омар аль Асад, не являлся коренным жителем халифата. Он попал сюда совсем молодым и осел при дворе севильского эмира, являющегося вассалом кордовского халифа. Выходец из Багдада, отец принял сторону нового кордовского эмира Абд ар-Рахмана III в то время когда тот укреплял свою власть. До этого времени именно Аббасидский халиф Багдада являлся главой мусульманского мира и провозглашение Кордовского халифата стало актом суверенитета. Новому халифу удалось восстановить Омеядскую династию, отразить вторжение Фатимидов и даже подвинуть на северо-запад границы христиан-

ских княжеств. Я так понял, что батюшка занимался снабжением войска Абдрахмана III и видимо весьма удачно, за что правитель пожаловал ему обширный участок земли к его востоку от Севильи. Отец покинул службу и занялся разведением скота.

Интересно, я только сейчас узнал, что не такой уж и бедный. У меня имеется усадьба или скорее ранчо, а также около 5 лиг земли. С трудом понял что это за единица измерения. Путём долгих переводов из лиги в вары и акры выяснилось, что 1 лига – это почти 1800 гектар. Соответственно 5 лиг составляет 9000 гектар. Для меня это гигантская цифра, но может быть я неправильно посчитал. На этих землях пасутся мои стада овец, коров и лошадей. За хозяйством присматривает управляющий, которого в данный момент контролирует от моего имени Менахем.

Да, тут закручивается нехилый сюжет. Надеюсь, названный папенька не обманывает сыночка, пока тот делает воинскую карьеру.

Как я и предполагал, моя матушка, Мирьям (Мария) происходила из кастильских христиан. Менахем плохо знал эту сторону жизни моего отца. Но её родственники никак не проявились в жизни нашей семьи.

К сожалению мама умерла родами и мы остались с отцом одни. Он меня особо не воспитывал, скинул на слуг. Отец нашёл в лице Менахема, который являлся удачливым плантатором и финансистом, хорошего партнёра и они значитель-

но поднялись в эти годы. Отец вкладывался в производство шерсти, обработку кожи и поставки мяса и лошадей для армии халифа.

В результате нескольких бесед я сделал очевидные выводы по поводу этого партнёрства. Оно было обречено на успех.

Менахем рассказал, что его предки жили здесь, в Сефарде, с незапамятных времён. Они неплохо чувствовали себя при римлянах и вестготах, последние начали их прижимать, принудительно обращая в христианство. Приход арабов на полуостров изменил жизнь еврейской общины к лучшему. Те не требовали от евреев и христиан отказа от веры предков. Образованные евреи пользовались спросом в различных областях жизни. Особенно в искусстве дипломатии или финансов, в архитектуре и торговле. Они успешно развивали различные производства, являлись прекрасными ремесленниками и даже учёными.

Но, сказать, что у них не было проблем с арабами нельзя. Иноверцы всегда являлись чужаками для арабов. Евреев и христиан называли «зимми». Иноверцы никогда не были равны титульной нации, судится с мусульманином по любому поводу было бесполезно. С них драли двойные налоги (харадж – поземельный налог, джизия – подушная подать) и именно это явилось залогом успешного партнёрства отца и Менахема. Сто пудово они крутили комбинации и уклонялись от налогов. Отец всячески прикрывал совместный биз-

нес, пока его не подстрелили из засады. Менахем говорит, что это могли быть конкуренты. А может быть и просто разбойники, таких тоже хватало на дорогах. Дикие берберы или остатки дружин бывших эмиров или христианских князьков. Я с удивлением узнал, что меня ранили именно при прочёсывании дорог к востоку от города, где объявились бандиты. Мой десяток обстреляли из засады, часть моих воинов погибли, остальные умчались за помощью. Моего жеребца ранили стрелой, он унёс меня от места засады на несколько километров, пока не упал бездыханным. Я при падении получил ушибы и травму головы. Нашли меня на следующий день. Интересно, а если я такой бравый вояка, почему позволил взбесившемуся коню унести меня, словно мешок с тряпками.

Из наших бесед я понял, что мой названный «папенька» совсем не прост. С высоты своего истинного возраста я вижу, что он имеет на меня серьёзные виды. С его утверждением, что надо бросать воинскую службу и заняться более серьёзными вещами, я согласен. Я уже не Юсуф, молодой парень, грезивший воинскими победами. Мне бы что-нибудь понадёжнее в руках. И здесь я не буду отталкивать «папочку». Единственно, что меня насторожило, это его намёки на заключённые соглашения с моим отцом о моём браке со Смадар. Мне девочка нравится, очень живая и искренняя, а также незаменимый помощник, но чисто внешне я не вижу её рядом. Ну это не мой типаж, этот типичный носик крюч-

ком. Я так и вижу её после родов, пухленькая толстушка, переваливающаяся на коротких ножках.

Поэтому на эти намёки я только многозначительно кивал, но от ответа уходил. Рановато мне зубки показывать, пусть «папа» считает меня тем же наивным юношей.

А ночью мне не спалось, сегодня тёплый ветер с юга не давал заснуть, душновато. Поэтому я голышом подошёл к окну, здесь хоть лёгкий бриз. У входа в дом горит факел, отбрасывая неверную тень на деревья сада. Небо усыпано звёздами, я пытаюсь найти ковш и Полярную звезду. Вернувшись в кровать я начал планировать ближайшее будущее.

Первым делом нужно восстановить функционал тела, думаю что уже можно начать заниматься упражнениями. Затем мне позарез нужно познакомиться со своим наследством. Меня категорически не устраивает, что после смерти отца моим ранчо фактически управляет Менахем. Задача третья – грамотно срулить с военной службы и найти занятие поинтереснее.

На следующее утро я встал с первыми лучами солнца, накинул лёгкую рубашку со штанами и вышел в сад. Вот интересное местечко, пятачок с десятков квадратных метров, закрытый ветками деревьев. Здесь я и начал разминку. С осторожностью начал разминать мышцы, прислушиваясь к чужому телу. Сделал пару десятков отжиманий, лёгкий дискомфорт в левой руке есть, но заниматься можно. Через полчаса я капитально запыхался и вспотел, на сегодня хватит. На

подходе к дому заметил молоденькую девушку с кувшином воды. Тормознул ей и попросил полить. Скинув рубашу подставил руки.

Ух, хорошо. Девушка сбегала ещё раз за водой, и я сполоснулся по пояс. Мне даже нашли чистую тряпку, вытереться.

Забирая рубашку я посмотрел на служанку, а она ничего. Совсем молоденькая, черноглазая по девичьи стройная. А глазки прячет, но исподтишка рассматривает меня.

– Как тебя зовут, красавица?

– Паула, господин.

Я бы с этой Паулой прогулялся под луной.

На завтраке мои домочадцы посматривали на меня с интересом.

– Йоси, а что ты в саду делал? – это Ривка не удержалась и полюбопытствовала.

– Матушка, я хочу восстановить форму, после болезни совсем ослаб.

– Хм, ясно.

– Матушка, – женщина положительно реагирует, когда я её так называю.

– Мне нравится после упражнений освежиться водой. Можно будет ту девушку прислать, помочь мне?

– Конечно, Йоси, – это глава семьи встрял в разговор.

– Кстати сегодня по твоей просьбе сюда приедет Алон бен Моше, твой управляющий. Он расскажет нам о твоих финансовых делах.

– Отлично, очень кстати.

Мой управляющий ожидаемое оказался из иудейского племени. Красивый и высокий мужик, лет тридцати пяти с роскошной чёрной бородой. Он приехал на тележке, влекомой двумя небольшими лошадками. С ним были два дюжих охранника, вооружённых кинжалами и копьями. Видимо на дорогах беспокойно, раз он прибыл с охраной.

Нам мужчина поклонился с достоинством и по знаку Менахема подсел за наш столик. Служка разлил на разбавленное вино в кубки и мы дружно пригубили. Кстати, мне нравится эта процедура. Около нас пара слуг, которые следят за знаками хозяина. Вот Менахем щёлкнул пальцами и тут же на столе появляются сладости и блюдо с фруктами. Я не удержался и зацепил виноградную кисть. Кстати, если я араб, почему "папа" мне наливает, ведь вино это харам. Видимо потому, что я не особо ревностный мусульманин. Ладно оставим этот вопрос на потом.

После обмена любезностями, мой управляющий приступил к делу. Он подал Менахему листы бумаги. Мне было интересно, на чём они сейчас пишут – на глиняных дощечках или пергаменте. Обычная серая бумага, ну логично. Арабы первыми открыли бумагу, проникнув в Китай. В Европе она считается жуткой редкостью.

Менахем бегло просмотрел цифры и отложил в сторону, – Хорошая работа Алон. Какие виды на урожай в этом году?

Меня виды на урожай волнуют меньше, я так понял, что я

типичный ранчero, меня урожай должен интересовать только как корм для скота.

Видя, что мне отчёт не собираются передавать, я не поленился и встал, забрав несколько листов бумаги.

Так, написано на арабском, а цифры то родные, привычные, тоже арабские.

Оба собеседника прервали разговор о погоде и с удивлением посмотрели на отчёт в моих руках, – посмотрю на досуге, – пояснил я.

Видимо в первый раз при них я обратил внимание на такую мелочь, как деньги. Раньше, наверное, был выше презренного металла. Будем исправлять. Пока народ предавался обсуждению различных тем на сельскохозяйственную тематику я пытался разобраться с цифрами. Это были некие суммы с указанием сколько и кому. Пришлось мне прервать их милую беседу и попросить разъяснения.

Дородный управляющий сделал мину собеседнику, типа я на минуту, и повернулся ко мне.

Ни через минуту, ни через полчаса он не освободился.

Я попросил писчие принадлежности и мне принесли листы пергамента, чернила и костяное писало, размером с обычный карандаш. И принялся на русском языке делать записи, постоянно уточняя у управляющего цифры. Я попытался выяснить свой дебит – кредит. Сколько и на чём зарабатываю и, конечно, сколько трачу. И где находятся мои деньги.

Через два часа я отпустил мокрого управляющего с наказом вернуться завтра.

Извинившись перед Менахемом, я ушёл в свою комнату. До ужина я разбирался с цифрами. Блин, хреново, что я не понимаю стоимости местных денег. Вот например стоимость фуража для боевого коня на год два дирхама это много или нормально? Нет, мне нужен нейтральный консультант. Но в любом случае надо хмурить брови и делать недовольный вид. Что я и сделал после ужина.

– Менахем, – его мне трудно называть папой, поэтому я называю по имени.

– Вот из отчёта следует, что за последний год я получил доход 7 динар. И где они?

– Ну, Йоси. Мы же договорились, что ты вместо того, чтобы отнести свои деньги банктрам, ссужаешь их мне под 5% годовых. Я могу отчитаться обо всём периоде, что ты находишься под моим покровительством.

– Да, пожалуйста подготовь все цифры.

Хозяин дома явно был уверен, что я скажу – да не надо, зачем мне эта муть. Просто скажи, сколько у меня сейчас денег.

А я заставил его отчитываться, – Менахем, деньги счёт любят, я просто хочу понимать, на что могу рассчитывать.

Последняя фраза нашла одобрение и мне было обещано предоставить финансовый отчёт.

Расстались мы перед сном немного суше обычного, но ни-

чего, я ему нужен. Это заметно, но вот зятем становиться желания нет. Дело не только в Смадар, я уже узнавал, среди евреев в данный момент нет моногамии. Я мог взять себе ещё жену, или две. Было бы желание. Но мне кажется неправильным жениться таким образом. Если уж невеста не нравится как женщина, то её родитель должен быть очень уважаемой личностью, чтобы продвигать будущего зятя.

А Менахема я пока позиционирую, только как зажиточного плантатора. Хотя, время покажет.

На следующее утро я опять выскочил на зарядку. Сегодня мне понравилось нагружать тело, я прямо на эмоциональном и физическом уровне ощущаю, что оно становится моим. До этого я ещё испытывал дискомфорт. А сейчас кайфую от нагрузки, эх, сейчас бы на тренажёр и прокачать отдельные группы мышц. А пока, после растяжки я подыскал толстую ветку и приспособился подтягиваться, намотав на ствол тряпку. Замечаю чужое присутствие неподалёку, уверен это служанка подсматривает.

Закончив, я улёгся на траву, раскинув руки. День будет жаркий, когда уже осень наступит. У сестрицы я узнал что сейчас месяц тамуз, значить июль. Наверняка здесь до октября такая же жара как в Израиле.

Чуть остыв я крикнул служанку. Сегодня Паула притащила два кувшина и полотенце. Явно смущаясь она подошла ближе и начала поливать мне на спину. Какое блаженство, молодое и здоровое тело. Кровь так и играет.

Ой, – это я, не удержавшись, хлопнул ладошкой по аппетитной попке служанки, заставив её ойкнуть. Но обиженной она не выглядит, наоборот гордо удалилась, победно бросив взгляд на подружек. Надо будет поинтересоваться, а как здесь относятся к внебрачным связям.

«Папенька» объяснил, что очень даже положительно. У него самого было несколько молодых наложниц, – А зачем тогда они ещё нужны? – искренне удивился Менахем.

Эх, в моё время тебя бы уже в тюрягу спрятали до конца дней. А какие статьи бы навесили – сексизмом и домогательствами бы не отделался. Тут и педофилия и использование служебного положения. Тьфу, сразу настроение испортилось.

Зато вкусный завтрак его значительно поправил. Управляющий уже приехал и ждал, пока мы позавтракаем. С ним появился незнакомый всадник, мужчина средних лет. Управляющий зацепился языком с кем-то из obsługi, а второй наоборот, всё это время, внимательно следил за мной. У меня возникло ощущение, что мы тесно знакомы. Может это мой охранник, мужчина в отличии от Алона был вооружён. На нём был кожаный доспех, на поясе кинжал и меч. К лошади приторочена связка лёгких дротиков и круглый щит.

С управляющим я разобрался быстро:

– Алон, у меня ещё будут вопросы по отчёту. Но пока наведи порядок в хозяйстве, я скоро приеду.

– Хорошо, хозяин. Да, я не смог удержать Максуда. Когда

он узнал, что ты выздоровел, сразу стал просить взять его.

После беседы Алон поклонился мне и уехал. А мужчина приблизился ко мне. Неожиданно он бросился мне в ноги и стал их обнимать, издавая при этом невнятные звуки. То ли плачет, то ли смеётся. Я с трудом поднял его и посадил рядом. Постепенно мы разговорились. Как я и думал, Максуд меня знал с младенчества.

По молодости он был на воинской службе, дотянул до сотника и гонял остатки банд непокорных эмиров. Где-то судьба свела его с моим отцом и когда родитель получил надел земли, ушёл вместе с ним. Сначала личным охранником, потом начальником охраны. Вместе они мотались по Андалусии, пока отец не осел на земле. После моего рождения ничего в их жизни особо не изменилось, мною занималась кормилица и служанки. Когда я подрос, меня стали учить грамоте. Отец нанимал мне хороших учителей, а Максуд натаскивал меня тому, что сам хорошо умел. А это фехтовать и скакать на лошади. С пяти лет я всюю уже махал детской сабелькой и забирался на невысокую смирную лошадку.

Мне не осталось другого выхода, как посвятить моего наставника в проблему потери памяти. Его реакция меня поразила, он начал с силой хлопать ладонями по бритому черепу и причитать. С трудом удалось его успокоить.

– Теперь ты понимаешь, как важно, чтобы ты был рядом. Я же не знаю – кто друг, кто враг.

Результатом разговора стал тот факт, что Максуд на ночь

устроился спать у моей двери. Бедная служанка принёсшая мне вечером кувшин воды, перепугалось до смерти, когда споткнулась от моего слугу. С этого момента он повсюду следовал за мной, а утром недоумённо смотрел на мою зарядку, когда Паула подошла полить мне воды, он отобрал кувшин и сам помог мне, что вызвало уже моё раздражение. Нежные касания девичей ладошки мне нравятся значительно больше.

В доме Менахема мы пробыли ещё четыре дня. Удалось разговорить его на предмет, что и сколько стоит. Мне была выделена некая сумма на первоочередные расходы в счёт моих денег. В кошельке из чёрного бархата лежало 50 серебряных дирхем. Я уже знал, что это составляет 5 золотых динар или несколько килограммов медных фельсов. 48 медных монеток весом в 5 грамм каждая – это одна серебряшка.

По поводу крестьян Менахем пояснил, что подавляющее большинство работающих в поле – это свободные сервы, арендующие землю у хозяина. А вот в доме старались держать рабов, благо этого добра хватало на рабских рынках. На любой вкус и цвет, только денежку плати. Самые дорогие – это ремесленники с опытом. Ценились мастера, за которых не скупясь платили несколько золотых динар. Для сравнения, боевой конь обходился в одну золотую монету. Красивую девушку – девственницу или крепкого юношу можно купить за 4-5 дирхем. Цена на остальных измерялась в 1–2 дирхема, иногда и дешевле. Это всё мне поведал Менахем.

– А вот твоя Паулина дочь свободных слуг. Её отец слу-

жит у меня конюхом. Учítывая, что они христиане, лучше не связываться. Обрюхатишь её, придётся выплатить приличную сумму.

Вот же зараза, прямо на лету срубил, «папаша». А я-то вознамерился затащить её вечером к себе. Девка прям соком исходит, дыньки налились, бёдрами крутит, аж ноги сводит от желания. После выздоровления у меня естество таки и прёт наружу.

– Я сегодня тебе пришлю другую служанку.

– Не надо никого присылать.

Что-то меня покоробила эта простота, одно дело если сам выбрал и уговорил. А вот так, не знаю – потерплю.

Однажды утром за нами заехал управляющий с сопровождением тех же дюжих охранников. Ривка дала нам с собой огромную корзину с едой, Дара всплакнула у меня на груди, я попрощался с хозяевами и мы тронулись.

Ехать в коляске не очень удобно. Сижу рядом с Алоном, который правит лошадьми, на жёсткой перекладине. В спину упирается корзина, спасибо Максуду, который рысит вперёд, а охрана едет позади и глотает пыль после нас.

Я попросил провезти меня по моим землям. Через час Алон показал мне рукой мои владения. Никакой ограды, участки равнины поросшей травой, сгоревшей на солнце. Попадаются холмы и перелески. Теперь понятно, почему скотоводство. Для скота здесь раздолье. Нам понадобилось часа три, объехать мои владения. Попадались смешанные

стада овец и коров, не сказать, что особо многочисленные. Что мне понравилось, это то, что мои владения выходят к большой реке Гвадалквивир. Лигой севернее она делит город Севилью на две неравные части. Именно сюда мои пастухи гоняют скот на водопой. На берегу мне встретился большой табун лошадей, голов в триста. Мы поздоровались с загорелыми до черна пастухами. Назад ехали молча, когда за поворотом открылся вид на небольшую долину с домиком, я прямо засмотрелся. Отсюда было видно поле с колыхающимися стеблями зерна. Красиво, настоящее золото. Дом небольшой, одноэтажный, но вокруг него раскинулся сад. А что, мне нравится, соскочил с коляски и подошёл к дому. Навстречу вышло несколько человек, немолодая и полная женщина кинулась ко мне с криком. Блин, да что это за страсти.

– Это тётушка Джулия, твоя кормилица, – выручил меня Максуд.

Ну ладно, кормилице можно. Я обнял женщину и чмокнул в щёку, что вызвало её удивление.

Так, может это не принято. Дальше Максуд деликатно познакомил меня с челядью. В отдельном домике проживало около двадцати слуг, почти все невольники. Кроме кормилицы и ещё одного мужчины. К моему сожалению из служанок никто не понравился, кто же мне будет воду поливать?

Хозяйский дом каменный, одно крыло отдано для кухни и столовой. В другом три комнаты, моя естественно самая большая, выходящая окном в сад. Ручеек имеется, слава те-

бе господи. Я уже привык в жару сидеть в тени дерева и слушать журчание воды. Мы быстро перезнакомились, оказывается управляющий здесь не жил. У него был домик в пяти минутах отсюда, где проживала его семья. Две оставшиеся комнаты пустовали и я настоял, чтобы Максуд переехал сюда. Так этот скромняга таки перевёз вещи из домика для прислуги, но поселился в комнатухе, рядом с кухней. Ну и бог с ним, было бы предложено.

С вечера мы договорились, что утром начинаем тренировки.

Блин, ну кто же знал, что это так больно. Я получил десяток очень болезненных ударов учебной саблей. Досталось рукам, рёбрам и всему телу. После обеда я рассматривал синячищи, а Максуд стоял у порога и усмехался.

Моя проблема в том, что я не умею фехтовать, даже саблю держу как вилку. Тело отлично помнит, а мозги не воспринимают. Когда я на автомате отмахивался, получалось. А стоит сосредоточиться, всё. Достается и рукам и ногам. То же самое с выездкой. Мне подвели коня, так тот чуть не цапнул меня за плечо, еле успел отскочить. А когда я отвлёкся и этот злобный представитель жеребячего племени опять попытался добраться до моего тела, я двинул ему кулаком по морде, тот обиженно отпрянул а я сразу ухватил его за повод. Стоит смиренно так. Но стоило мне повторить этот фокус – всё, конь меня опять не воспринимает. Я уже не говорю о том, чтобы вскочить на него. У меня есть небольшой опыт выездки из

девятнадцатого века. Поэтому я рискнул и вскочил на него. Дальше понеслось, в смысле конь понёс, он не реагировал на мои – фу, тпру, тормози и так далее. Нёсся, стараясь выкинуть меня из седла. А тут как на беду пошла каменистая дорога, я вцепился в повод и закрыл глаза. Ну, сейчас долбанёмся. Странно, бег коня замедлился. Открываю глаза, а мы развернулись и неторопливо двигаемся назад. Причём я автоматически сделал несколько движений, укоротил повод, сжал ноги и всем телом показал изменения направления и скорости.

Раз попёрло, я бросил повод и закрыл глаза. Управляя только ногами, нормально вроде, послушный мальчик.

Но вот так же перейти к фехтованию никак не получается. Максуд убрал себе мою саблю и прочую амуницию, мы занимаемся тяжеленным учебным оружием из крепкого дерева. Хорошо, что моё тело подготовленно к этому, я не устаю, просто категорически не успеваю за скоростью Максуда. Но тот говорит, что прогресс есть. Дай-то бог.

Через несколько дней мы решили съездить в город. Мне нужно прикупить себе одежду. То, что у меня имеется – не устраивает по разным причинам. Вот я одеваю нательную рубаху сшитую из тонкой ткани. Белые хлопчатобумажные шаровары на шнурке, сверху одеваю кафтан – халат с длинными рукавами, в предплечьях вставки из красивой ткани с узорами. Максуд намеренно аккуратно меня побрил, на голову одел шапочку и сверху, не без помощи конечно, накрутил тюр-

бан. На ногах привычные мягкие сапожки. Кинжал и саблю на пояс. Максуд внимательно покрутил меня и одобрительно улыбнувшись, хлопнул по плечу.

Едем втроём, ещё одного охранника взяли, чтобы за лошадьми присмотрел. Вообще у меня всего два крепких раба – охранника и Максуд, вот и всё воинство.

До Севильи домчались быстро, у ворот стражники посмотрели на нас и пропустили. Максуд сказал, что две медные монеты за вход берут только с иноверцев. Оставив лошадей мы прогулялись по улочкам города. А мне нравится, я был уверен, что сразу вляпаюсь в нечистоты, которые жители средневековой Европы выливали на головы прохожих. Ничего похожего, улицы чистые, на площадях фонтаны, многочисленные торговцы освежающими напитками и фастфудами предлагают свой товар. Мы зашли в несколько лавок с одеждой, пока я наконец не решился. Мне нужна одежда, удобная для тренировок и передвижения верхом. С помощью Максуда отобрал несколько шаровар, пяток рубаш и удобную обувь, такие мягкие туфли со слегка загнутыми носами. В них удобно перемещаться, похожи на кеды. До комплекта взял лёгкий плащ. На первое время хватит. Неприятно удивила цена, после ожесточённого торга, даже Максуд поразился, я сбил цену с пяти дирхем на четыре. Разоришься так, ё-моё.

Мы провели в городе полдня, прикупили специй, не так дорого, как ожидалось. Всё-таки близость к Африке ска-

зывается. Назад поехали другими улочками. Максуд решил показать мне минареты большой мечети города. Ахренеть, башня из красного камня высотой с двенадцатиэтажный дом. Мы даже зашли в мечеть и помолились. Назад я ехал оглушённый великолепием мечети. Мавританский арочный стиль внутренних помещений ошеломлял красотой. От возвышенных мыслей меня отвлек шум.

– А это рабский рынок, только сейчас уже поздно, он закрывается. Да у элитных рабов продают ближе к рынку, а здесь тех, кто попроще.

Я уговорил помощника заскочить, интересно же.

В самом деле, половина торговцев живым товаром сворачивается. Но мне хватило и оставшихся чтобы получить представление. Я не заметил избитых и замученных невольников. Они находились в тени, некоторые смеялись. Девушки подмигивали и становились в различные позы, предлагая себя с лучшей стороны. Действительно молодёжи почти нет, зато много людей среднего возраста с детьми.

Здесь и чернокожие, светлоголовые жители восточной Европы, от изобилия народа у меня закружилась голова. Я подозвал торговца прохладной водой и купил стакан холодного щербета. Остановившись в теньке, с удовольствием прихлебывал кисловатый напиток, великолепно утоляющий жажду.

А это что такое, в трёх метрах от меня русоволосая девушка годиков в семь застенчиво разглядывала меня, при этом ковыряясь в носу. Прелестное личико забавно смор-

щилось и она протянула ручку. Мне ничего не оставалось, как протянуть ей медный стаканчик с напитком. Девчушка улыбнулась мне с достоинством египетской царицы и быстро выпила жидкость.

– Господин, прощу прошения. Она Вам помешала?

Видимо торговец увидел эту забавную сценку, – я сейчас её уберу отсюда.

– Нет, не надо. Замечательный ребёнок.

– Господин хочет её купить, она продаётся с матерью. Я отдам не дорого, уже конец дня, а сегодня был не очень удачный день для торговли.

– Нет, я не собираюсь никого покупать, так, заехали приценится. – И я торопливо отошёл в сторону.

Да нафига мне девочка, я сам как девочка, витаю в облаках и не знаю, что меня ждёт завтра. Куда же Максуд запропастился. Пришлось вернуться в тень. Девчушка опять мне заулыбалась и под внимательным взглядом продавца подошла ко мне. Протянув ручку она вцепилась мне в палец и подняла на меня голову.

– Господин, извините меня. Я сейчас её заберу. – К нам подскочила женщина, видимо мать и забрала девчонку, подхватив её на руки.

– Всё, можно идти, – это мой верный Санчо Панса нарисовался.

– А я тут знакомого встретил, немного поговорили.

Я в пол-уха слушал Максуда, а сам рассматривал женщи-

ну. В отличие от дочери мать имеет смуглую кожу и роскошную чёрную гриву волос. Роскошная женщина – или я ни хрена в этом не понимаю. Высокая, моего роста. На взгляд ей лет двадцать пять. Лицо немного скуластое, мне такие всегда нравятся.

Ушлый торговец перехватив мой взгляд, подошёл сам.

– Господин, я готов её отдать за пять дирхем.

Видя, что я не реагирую, он начал сбавлять. Чёрт, что я делаю. Женщина заметив мой интерес покраснела и прижала к себе дочку. А глазки какие красивые, такие только у брюнеток бывают.

– Как тебя зовут?

Не знаю почему, но я спросил на греческом и похоже угадал.

Голос низкий, приятный. Женщину зовут Зоя, а малышку Ева. Они с какого-то греческого острова.

– Зоя, что умеешь делать?

Женщина опустила дочку на землю, – всё могу, в поле, и в доме тоже. Могу готовить или стирать.

– Господин, – это Максуд начал меня отговаривать.

– Юсуф, если хочешь рабыню, давай вернёмся завтра. С утра будет свежий товар. И зачем тебе с ребёнком. Выберешь себе девственницу.

А торговец почувствовал слабинку и что-то шепнул женщине. Так отвернувшись, помедлив скинула накидку, оставшись в натальной тонкой рубашке. От жары рубашка при-

липла к телу обрисовав шикарные женские формы. Просто уже сейчас был готов на неё набросится, мой организм односложно отреагировал на самку. Я ещё выжидал, но когда увидел простенький деревянный православный крестик на шее, решил всё – беру.

В итоге за две серебряной монеты я стал владельцем этой парочки. Торговец чин чинарём выправил бумаги на владение. Мне завернули товар, в смысле передали корзинку с вещами, которые женщина сама и понесла. Дочка вцепилась в другую руку и озорница оглядывалась на меня, улыбаясь всеми зубками. Чувствует ведь кому надо улыбаться. Назад ехали в следующем порядке. Девочку я взял к себе, а женщину посадил позади Максуд, у него жеребец крупный, спокойно вывезет двоих. Дома я дал указание устроить женщину с ребёнком, а сам отправился на тренировку.

Мы решили тренироваться дважды в день. Сейчас как раз время.

Помахав железом, мне кажется, что уже лучше получается, я отправился к дому. Так, а где моя вода, зачем я служанку покупал. Пришлось опять терпеть Максуда.

Зоя уже помогает в доме, я перехватил её и попросил помогать мне после тренировок. Та кивнула и я пошёл спать. Спалось откровенно плохо. Крутился в постели, всё время вспоминал Зою. Её зрелую женскую статью и обманчивое выражение покорности в глазах. Что бы Максуд понимал, девственницу ему подавать. Он худую нимфетку, которой толь-

ко предстоит стать женщиной, предлагает заменить на уже созревшую? Да ещё заниматься её дефлорацией, то есть трахать зажатую и стонущую от боли девчонку, вся ценность которой только в том, что ты у неё первый.

Супер, ну может сейчас такие нравы. А я с трудом уснул под утро и на тренировке был вялый, за что получил капитально от наставника. А за завтраком шипел от боли с раздражением поглядывая на ни в чём не повинную женщину. Та даже не догадывалась, какие эмоции я испытываю, глядя на неё. Хотя, думаю догадывается. За ужином она несколько раз задела меня рукой, а когда остановилась рядом, я легко погладил бедро. В ответ получил поощрительную улыбку.

Лёг я пораньше, с надеждой что она придёт. Ну не могу я ей приказать. Когда занавеску поднял сквознячок я сделал вид, что сплю. Не удержавшись повернулся, Зоя стоит передо мной. В свете слабенького ночника, масляного светильника её глаза сверкают. Я поднялся и подошёл ближе. Пахнет приятно, какие-то благовония, женщины во все времена умеют влиять на мужчин. Видя, что я не решаюсь, женщина улыбнулась и слитным движением скинула верхнюю накидку. Под нею только набедренная повязка. Моя рука скользнула и приласкала тяжёлую грудь. Дальше забытьё, мы целовались, причём абсолютно точно Зоя раньше это не делала. Сначала я целовал просто губы, а потом ей понравилось и мы увлеклись этим, отрываясь только, чтобы вдохнуть воздух.

Её накидка свалилась сама собой, я прижался к женщи-

не, эрегированный член упёрся ей в живот, мы ласкали друг друга стоя, пока женщина не увлекла меня на ложе. Я растворился в ней, у меня в этом теле секс в первый раз и ощущения вдвойне сильные. Несколько раз я кончал, но Зоя одним касанием заводила меня вновь. Утреннюю разминку мы пропустили, я сквозь сон слышал, как Максуд шуршит у двери. Встали поздно, когда я окончательно проснулся, Зою не было рядом. А я с удовольствием прижал подушку пахнущую женщиной. Так с улыбкой и вышел из комнаты.

Как хорошо быть хозяином. Никто не скажет, что завтрак уже тю-тю, теперь ждите обеда. Никто не посмотрит косо. Когда я умылся и пошёл к столу, народ зашуршал. Максуд внимательно на меня посмотрел и кивнул, сделав какие-то выводы. Что примечательно прислуживала мне лично Зоя, а недалеко крутилась Ева. Видимо женщина после ночи продвинулась в местной табели о рангах на несколько пунктов. Ну так, любовница хозяина, это вам не фунт изюма. Приехавший Алон только спросил, перевести ли её в дом и я ответил утвердительно. А пусть живёт рядом, в господском доме. Это ведь рыночные отношения. Жениться не обещаю, но буду помогать. А от неё требуется то, чем наградила её так щедро природа.

Вот странное дело, купил на рынке как поддержанную игрушку женщину за несколько копеек. Неужели у местных нет глаз, она же красавица, или в самом деле каноны красоты нынче иные. Ну вон она улыбнулась и от ослепительной бе-

лизны ровных зубок хочется бросить трапезу и тащить её в укромный угол.

Сегодня опять поеду в город, с собой возьму Зою. Для этого охранник едет на коляске, рядом с ним женщина. В городе мы с ними расстаёмся. Я вручил ей несколько дирхем на покупку необходимого ей и дочке, а у нас с Максудом дела.

У того есть знакомый в местной управе. Он обещал помочь нам с нашей бухгалтерией, который выдал мне управляющий. За услуги взял дорого, два дирхема. Но и помог мне определиться, – Ваш управляющий почти не ворует, но дела ведёт неправильно. Нужно прибыль было вкладывать в развитие (ну это я так перевожу, звучит на арабском несколько иначе). На ваших землях можно было бы увеличить поголовье скота минимум в пять раз. Почему не покупались элитные производители. Ваши лошади годятся только в повозку или для обработки земли. А ведь эта знаменитая порода арабских скакунов выведена для скачек. Европейцы покупают их за большие деньги, раньше вообще запрещали их к продаже как национальное достояние. Чиновник конечно утрирует, но суть понятна.

Ясно, теперь понятно куда двигаться. Нам пришлось ждать Зою, пока она не истратит все выданные деньги. Надо ей отдать должное, она и меня не забыла, купила симпатичный коврик на пол, чтобы ночью приятней было вставать.

Теперь женщина приходила ко мне почти каждый день, только когда у неё были особые дни – оставалась у себя.

Незаметно, Зоя взяла на себя управление домом, прежде это было в функции управляющего. Но он только посмотрел на меня и кивнул. Теперь Зоя хранила у себя ключи от кладовок и ездила с охранником в город на коляске. А что, мне нравится, появился уют в доме, а тут ещё эта егоза. Ева, когда мама была в моей комнате, никогда не заходила. Но когда я был один, она деликатно стучала и входила. Ребёнку было интересно смотреть, как я работаю. А ещё я катал её на лошадке и мы играли в доме в прятки. Мама теперь у нас важная дама, а ребёнку скучно. Я подкидывал её к потолку и наградой мне был счастливый смех. Я как-то поинтересовался у Зои, её жизнью до этого. Женщина нахмурилась, – семья у нас большая была, жили голодно, вот отец и продал меня торговцам. А потом наложницей я была в гареме у одного старика.

А дочку ей сынуля хозяина забацал, подсуетился. Да, нелёгкая судьба.

Ну ничего, я думаю, что дам ей вольную. Захочет уйти, пусть уходит. А останется, пусть за зарплату уже работает. А ребёнок мне не в тягость, с ней прикольно, такая красавица растёт и выдумщица.

Месяц уже живу в своём доме, после подробного разговора с управляющим я уже не был так негативно настроен к нему. Тот не раз предлагал Менахему вложится и обновить наше стадо. Действительно эта порода в чём-то уникальна, их вывели шесть столетий назад, отличительная способность

резвость и выносливость, эти качества создал тяжёлый климат пустыни. В Европу лошади попадали только в качестве трофеев во времена крестовых походов. Порода пользуется повышенным спросом. И Алон имеет опыт в разведении, вот только его никто не спрашивал. Менахем, пользуясь неопытностью моего папаши в этих вопросах, а затем моим малолетством – вкладывал прибыли с ранчо в свои дела.

При моей очередной встрече я пожурил Менахема за то, что он пользовался моей наивностью. В городе мне объяснили, что 4–5% годовых зарабатывают арабские ростовщики с единоверцев. Для иноверцев не менее 10–12%, а может и поболее. То есть мой названный папа кредитовался многие годы по льготному тарифу, что не есть хорошо. А ещё он, пользуясь моими льготами по налогам регулярно недоплачивал в казну. Думаю, суммы там внушительные. Менахем поначалу разыгрывал недоумение, потом взывал к сыновним чувствам, я даже не утерпел и разыграл сценку:

– Знаете, что «папа». Я безмерно Вас уважаю и благодарен за участие в моей судьбе. Но денежки любят порядок. Я не прошу даже вернуть разницу на малом проценте. Но вложенное в Ваше дело прошу вернуть, давайте наконец вернём сэдер (порядок). Вот, мы с управляющим посчитали, за семь лет накопилось почти 400 динар, за вычетом пяти, что Вы мне дали, остаётся 395.

Предприниматель пошлёпал губами, поиграл бровями и тяжело вздохнул, – хорошо, но мне невозможно будет быстро

найти такую сумму.

– Ничего «папа», я могу подождать, недолго. Месяц. Мне нужны средства.

Расстались нормально, Менахем умеет отделять дела и личное. За столом не чувствовалась напряжённость.

В последующую встречу мне были предложены несколько вариантов. Частично Менахем возвращает мне деньги, где-то треть. Остальные предлагает отдать, уступив мне участок земли или элитных рабов, мастеров. Специалист по тканям, ювелир и ещё несколько ценных работников. Когда Менахем упомянул, как вариант, мельницу для производства бумаги, я заинтересовался. Оказывается предприимчивый иудей решил вложиться в это перспективное дело. Он даже купил семью китайского ремесленника, занимавшегося у себя дома бумажным делом. Я не знаю, что подобный специалист делает здесь. Такие на вес золота, бумага широко шагает по миру. В Европе её используют как великую драгоценность, книгу из бумаги передавали потомкам, указывая это в завещании. Арабы наловчились от китайцев этому секреты, но не делятся с конкурентами, предпочитая продавать по цене золота.

Будучи в городе, я узнал цену на бумагу. В лавке была простая, грубая. Имелась также и приятная на ощупь цветная, но цена мама дорогая. Лист 35 фелс, то есть стопочка из десяти листиков обойдётся в семь с копеей дирхем. За эти деньги можно хорошего раба купить. И это у нас, а сколько отдадут в центральной Европе?

Лавочник подтвердил мою мысль, купцы берут небольшими партиями, покупают дворы правителей и церковники.

Я немного в теме, в той жизни немного пописывал, публикуя книги собственного сочинения. А когда пишешь о человеке, попавшем в чужое тело не несколько веков назад, сразу начинаешь думать, раз не стал царевичем или сыном известного фабриканта, значить надо как-то зарабатывать на жизнь. Просить на паперти как-то не комильфо, остаётся только прогрессорство.

Да, порох и бумага, сетка Рабица и паровая машина, кнопки и скрепки. А что делать? Предложите. Женщина с обалденной внешностью ещё может быть пристроится, а простому парнишке куда податься?

Так вот, в одной из книг я и описывал, как занялся производством бумаги в условиях средневековья. Так что знания есть, остаётся прозондировать почву по поводу сырья.

Например китайцы использовали растительное сырьё, кору и луб шелковицы, коконы шелкопряда, молодые побеги бамбука, обрезки шёлка и старые рыболовецкие сети. Короче, что было, то и использовали. Японцы и корейцы добавили коноплю и луб кустарников.

А вот наши арабы сейчас используют всю старую тряпёху из льна, пеньки и хлопка. Вот мне и нужно узнать доступность этого сырья.

По первым прикидкам вполне возможно, сбор ветоши налажен плохо и на этом можно сыграть, развернув сеть по сбо-

ру сырья. Это я понял, поэтому и согласился принять мельницу в качестве оплаты. Менахем мне выплатил в итоге 130 динар и переписал мельницу вместе с китайцем. Мельница довольно грамотно расположена в живописном месте у гряды, поросшей лесом. Здесь протекает бурный ручей. Менахем построил большое помещение и водяное колесо, которое в данный момент бездействовало. Хотя я проверил, открывая доступ воде в канал, она начинала исправно вращать привод. Китайца звали Лу, просто Лу. И он жил с женой и дочкой прямо здесь же в помещении. Ловил рыбу в речке, браконьерствовал, ну и Менахем подкармливал. Китаец слабенько, но говорит по-арабски. Его проблему я понял сразу, он собирался производить бумагу по привычной технологии из растительного сырья. Он даже подобрал несколько местных растений, кору и луб которых можно использовать в процессе. А Менахем привёз ему кучу тряпок, которые так и валяются в углу помещения. Так и заглохла хорошая идея.

После оформления бумаг я стал гордым владельцем своего бизнеса. Лу я выдал аванс в дирхем и привёз мешок риса. От радости китаец начал целовать мне ноги.

А вот Менахем всё-таки голова, быстро допёр, что лопухнулся, когда я поинтересовался возможностью регулярных поставок тряпья.

Он задумчиво пригладил бороду, – значит ты знаешь, как заставить китайца работать?

Мне осталось только неопределённо ответить.

– У меня очень много знакомых во всех городах и я уже занимался этим вопросом. Если ты наладишь производство бумаги, я бы хотел получить своё процент. В этом случае у нас с тряпками проблем не будет. Иудей сделал акцент на слове «нас».

Теперь уже мне пришлось задумчиво тереть ухо. Я конечно могу и сам позаниматься этим, но ушлый коммерсант безусловно даст мне фору в этом вопросе. В итоге договорились, что в случае успеха я отдаю Менахему 15% прибыли. Вы бы слышали как мы бились. С 30% я спустил его долю в два раза. Моими доводами стало и то, что в дальнейшем возможно увеличении цифры, если тот будет вкладываться в расширение. Здесь мои наличные денежки быстро закончатся. А пока Менахем займётся доставкой большой партии ветоши, а я начну осваивать технологию.

От моего ранчо до мельницы минут сорок на лошади. На коляске дольше. Лу набросал мне эскиз станка. Тот представляет собой раму с натянутой сеткой или грубой тканью. Я эту технологию знаю и собираюсь предложить усовершенствования. Эти несколько веков технология не стояла на месте. Измельчение и промывка сырья нужно в любом случае. Китайцы затем наливали волокнистую массу в форму и погружали её в воду. После того, как вода стекала и лист доставался, прессовался и сушился вместе с сеткой. Это так называемая ручная отливка. А можно немного модернизировать процесс. Во-первых измельчать более качественно с по-

мощью мельничных жерновов и водяного колеса. Во-вторых использовать метод непрерывной, гибкой сетки. Заготовка снимается с сетки и перекладывается на другую поверхность для прессовки с помощью роликов и последующей просушки. Здесь очень важна клеящая основа. Сейчас мои соплеменники используют клей растительного происхождения, а вот через несколько веков итальянцы научатся работать с клеем животного происхождения, что значительно повысит качество бумаги и придаст ей некую защиту от влаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.